

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.



Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 317-325, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.317
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>



UDC 93/94

Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia

Yuliya A. Lysenko ^{a,*}, Evgeniya V. Demchik ^a, Inna V. Anisimova ^a, Irina B. Bochkareva ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article within the framework of modernization theory presents an analysis of ethno-social processes in the period of the rebellion of the peoples of the Steppe Region and Turkestan in 1916. The content of this ethno-region of the Russian Empire and its modernization meant the introduction of outside institutions and values of European culture, however a short time impact of modernization trends on the traditional society (the second half of XIX – the beginning of the XX century) could not give a high positive effect in the short historical perspective. Therefore a certain part of the population of Steppes and Turkestan was an active recipient of modernization, integrated into the imperial political and economic space. However, most of the traditional society perceived modernization as a form of coloniality, aimed at suppressing the cultural identity, the transformation of traditional tribal and clan ties and social relations.

The analysis of the impact of modernization on the traditional society of the Central Asian border regions of Russia allowed the authors of the article to claim that contradictory of social processes of transition period was fully manifested in the course of the popular uprising in 1916. On the one hand, there were tendencies of the ethno-consolidation processes which gave to that movement a powerful impulse and scale. On the other hand, the events of 1916 demonstrated a certain division of Central Asian society, expressed in the ambiguous position of the intellectuals to the decree of Nicholas II on the mobilization of foreigners working in the rear, intra- and inter-ethnic clashes in the uprising, the restoration of archaic (from the point of view of the theory of modernization) and political institutions social norms, the revival of "ethno-psychological stereotypes" of the previous era.

Keywords: Russian Empire, Central Asia, popular rebellion, modernization, ethnos, identity.

1. Введение

В 2016 г. научной общественностью постсоветского пространства широко отмечался 100-летний юбилей восстания народов центральноазиатских окраин России против реформ, которые проводила здесь имперская управленческая элита. В историографии события начала XX в. оценивались по-разному, их называли «бунтом в Семиречье», «среднеазиатским мятежом», «среднеазиатским восстанием», «национально-освободительным движением». Традиционно причинами восстания 1916 г. считались аграрная политика, связанная с переселением в регион крестьянства из европейской части страны и масштабной экспроприацией земельных ресурсов у коренного населения, а также политика русификации и ограничительные меры в духовно-религиозной сфере. Значимость восстанию 1916 г. придавал тот факт, что оно началось в разгар мировой империалистической войны, в условиях разразившегося в стране глубокого системного кризиса. Это позволяло считать его частью общероссийского революционного движения против господствовавшего социально-политического режима. В тоже время, представляется, что по своим причинам, внутреннему содержанию,

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko), demtchikev@mail.ru (E.V. Demchik), ivao410@mail.ru (I.V. Anisimova), portnygina@yandex.ru (I.B. Bochkareva)

регионально-локальным особенностям, методам борьбы, характеру внутриэтнического и межэтнического противостояния, восстание 1916 г. было более глубоким, противоречивым и сложным социальным явлением в истории центральноазиатских народов Российской империи. Все это, безусловно, вызывает необходимость дальнейшего изучения событий столетней давности, делает данную проблему актуальной и перспективной научной темой.

2. Материалы и методы

Протестное движение, как известно, является реакцией социального организма на внутренние и внешние вызовы. Для традиционного сообщества центральноазиатских окраин России одним из таких вызовов стала широкоформатная модернизация, предложенная имперским центром. Характерными ее тенденциями, с одной стороны, стала трансформация традиционных политических культур и социально-экономических отношений, с другой – подключение «защитных механизмов» этнического самосознания, призванных консолидировать народы региона в новых для них исторических реалиях. Результатом реакции традиционных социальных сил на предложенный вариант модернизации стали события 1916 г.

Статья основана на широком круге опубликованных и неопубликованных источников. Среди них: статистические данные, материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти, отчеты генерал-губернатор и губернаторов областей Степного края и Туркестана о ходе событий 1916 г. Представленные источники позволяют определить содержание модернизационных процессов в центральноазиатских окраинах России и отношение к ним коренного населения, реакцию различных социальных страт традиционного общества на указ Николая II о мобилизации инородческого населения на тыловые работы, выявить состав участников движения и т.д.

3. Обсуждение

Восстание народов Степного края и Туркестана началось 4 июля 1916 г. в г. Ходженте Самаркандской области. Во второй декаде июля восстанием были охвачены вся Фергана, «старый город» Ташкент, прилегающие районы Сыр-Дарьинской области, значительная часть уездов Самаркандской области. В течение второго полугодия 1916 г. движение охватило огромную территорию с многомиллионным населением: современные Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и докатилось до Южной Сибири и калмыцких степей. В восстании участвовали все народы региона: таджики, узбеки, туркмены, кыргызы, казахи, кара-калпаки и др. (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1967. Л. 17–24 об).

В исторической литературе феномен данного исторического события, его причины и значение для судеб коренных народов Туркестана и Степного края остаются на протяжении многих десятилетий дискуссионными. В отчетах и рапортах чиновников российской колониальной администрации о событиях 1916 г. указывался широкий спектр его причин, прежде всего, политического характера. В частности, акцентировалось внимание на просчетах имперского центра в управлении краем, кадровой чехарде, коррумпированности региональных органов власти (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 236; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 258–258 об). Либерально настроенная часть политической элиты Российской империи считала главной причиной протестного движения населения Туркестана и Степного края аграрную политику России и связанную с ней масштабную экспроприацию земель у коренного населения в переселенческий фонд (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 281). В советской историографии в условиях господства марксистско-ленинской методологии народное восстание 1916 г. оценивалось как антиимпериалистическое, антивоенное (Рыскулов, 1924; Рыскулов, 1926; Сулейменов, Басин, 1977: 84). Его главными причинами считались особенности социально-экономического и политического развития Российской империи, предопределившие неизменный рост «колониального гнета военно-феодалного империализма» на коренное население Туркестана и Степного края (Сапаргалиев, 1966; Турсунов, 1962; Усенбаев, 1967).

В зарубежной историографии 1960–1980-х гг. преобладали крайне узкие оценки событий народного восстания народов Степного края и Туркестана в 1916 г. Так, американский исследователь Э.Д. Сокол подчеркивал исключительно религиозную направленность движения «мусульман Средней Азии против русских». По мнению исследователя в восстании нашла отражение «известная борьба ислама против неверных» (Sokol, 1954: 188). Исключительно нерешенностью межэтнических проблем объяснял причину событий 1916 г. Ч. Хостлер. Исследователь считал его «самым мощным антирусским восстанием» в истории Российской империи (Charles, 1957: 148).

В современных национальных историографиях государств постсоветской Центральной Азии причины протестного движения коренных народов Степного края и Туркестана в 1916 г. анализируются в контексте политики Российской империи в данном этнорегионе (История Казахстана, 2000: 627). При этом присутствуют как либеральные оценки данной политики, так и крайне правые, авторы которых пытаются гипертрофировать роль межэтнического противостояния в данных событиях или представить действия колониальной администрации, направленные на подавление восстания, как этноцид (Какеев, 2015: 200–206; Бедельбаев, 2016: 201–205).

В современных российских исследованиях и документальных сборниках в научный оборот вводятся новые источники о восстании 1916 г. (Котюкова, 2011; Восстание 1916 г. в Туркестане, 2016).

Причины социального взрыва анализируются в общем контексте административной политики России в данном регионе и ее просчетов. В тоже время попытки освещения причин восстания с точки зрения влияния модернизации на этносоциальные процессы, исследователями не предпринимались. Представленная статья являет собой попытку восполнить данный пробел.

4. Результаты

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. Россия проводила политику модернизации в отношении своих центральноазиатских национальных окраин. Включение в данный процесс коренных этносов означало проведение совокупности реформ и мероприятий, направленных на внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм администрирования и суда, оседания кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развития системы светского школьного образования, медицины, вовлечения в процесс создания рыночного сектора экономики и городской инфраструктуры и т.д. (Коваляшкіна, 2005; Лысенко и др., 2014; Шерстова, 2005; Kirmse, 2013; Shaidurov, 2014).

Огромное влияние на выработку центральноазиатской модели модернизации оказал укоренившийся в российской управленческо-бюрократической среде тезис о неготовности аборигенного населения региона к восприятию «норм и начал русской государственности». Из него плавно вытекала мысль об отказе от введения в крае ряда государственных институтов (земства, выборного городского самоуправления, представительства в Государственной думе) и повинностей (в первую очередь всеобщей воинской повинности) (Бахтуріна, 2004). Кроме этого, Россия сама остро нуждалась в модернизации, которая неизменно переплеталась с милитаризацией, поглощала все внутренние силы империи. Это значительно ограничивало возможности модернизации центральноазиатских национальных окраин, тем более, что сами они не проявляли большой модернизационной активности, их отношение к экономическим и социальным нововведениям было, безусловно, неодинаковым и неоднозначным.

Совокупность указанных факторов предопределила результаты модернизации центральноазиатского общества, которые оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, модернизация сопровождалась интеграцией Степного края и Туркестана в общероссийское политическое пространство и выражалась в участии населения в формировании партийной системы страны, событиях революции 1905–1907 гг., общероссийском мусульманском движении, избирательных кампаниях в Государственную думу. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в регионе осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей в системе административно-территориального устройства, демократизация выборов через расширение электората, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания (Лысенко, 2016: 101–108).

В тоже время нужно понимать, что институционализация заимствованных политических инокультурных инноваций, переносилась в цивилизацию–реципиент искусственно и не могла в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. Не удивительно поэтому, что на рубеже XIX–XX вв. политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, замедленным развитием национальных политических партий, политической индифферентностью большинства населения региона. Кроме этого созданная модель административно-территориального устройства с включением в нее системы местного самоуправления с выборностью должностных лиц слабо формировала гражданскую активность населения и консервировала родовые отношения (Lysenko et al., 2015).

Неоднозначными представляются итоги экономической модернизации центральноазиатских национальных окраин. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру региона. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, в также железнодорожное строительство. Наблюдалось усиление урбанизации, развитие кредитно-банковской системы, торговли, рынка труда. Важным следствием модернизационных процессов стало углубление и расширение товарности производства, в том числе в аграрном секторе (РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–8 об). Все это, безусловно, создавало предпосылки для усиления социальной мобильности населения региона и этнической консолидации (Лейзерович, 2001: 163).

В тоже время, рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае и Туркестане шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7 % предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2 % от числа всех работающих. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3 % (Lysenko et al., 2015). По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости, например, казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72 %, земледелием – 24 %, частной службой

– 1,46 %, торговлей – 0,52 %. В городах Степного края численно преобладали русские. Казахи среди горожан Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края составили 16 %. Еще более сельским оставался состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тысяч человек только 576 тыс. человек или 11,6 % проживало в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов до 14,4 % ([Всероссийская перепись населения, 1904](#)).

Важным аспектом дискурса о конечных результатах модернизации традиционного центральноазиатского общества следует считать проблему его готовности воспринимать в данный исторический период ценности и достижения европейской цивилизации. Нельзя отрицать тот факт, что политика государства, направленная на инкорпорацию в общеимперское пространство способствовала процессу трансформации традиционных норм общежития, социальной организации, ментальных установок коренных народов региона. С исторической арены благодаря этим процессам ушли традиционные социальные категории, смысловое содержание многих категорий претерпело значительную трансформацию. Включенность в товарно-денежные отношения и интеграция в общероссийский рынок способствовали формированию национальных буржуазий, рабочих кадров и национального чиновничества. Несомненным позитивным результатом модернизационных процессов явился факт формирования национальных интеллигенций, которые в связи с уходом с исторической арены традиционных политических элит взяли на себя роль защитника интересов коренных народов Центральной Азии. «Продуктом» модернизации следует считать и резкий рост процессов этнической консолидации народов Степного края и Туркестана, выразившийся в формировании идеологий национально-освободительных движений, национальных СМИ, театров, систем национального школьного образования ([Нурула-Ходжаева, 2015](#)).

В тоже время, модернизация, исходящая извне, действительно могла восприниматься традиционными кругами как форма колониальности, направленная на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений ([Ремнев, 2008](#)). Поэтому реформы во многом выступили отправным рубежом, простимулировавшим консервацию социально-экономических основ системы жизнедеятельности традиционных обществ Центральной Азии и возрождение «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи. Ограничительные меры в духовно-религиозной сфере вызвали, например, резкий рост исламизации казахского общества, идеология и ритуальная практика ислама стала восприниматься как важная составляющая этнического самосознания.

В конечном итоге реализация русского имперского модернизационного проекта в Туркестане и Степном крае, чаще именуемого в историографии «политикой ассимиляции и русификации», дала ограниченные результаты, практически не нарушив политическую традицию (деспотическое управление, отсутствие наций нового типа, регионально-клановые, родовые конфликты, особенности распределения собственности, национальные религии и верования) коренных народов. Край продолжал оставаться обособленной частью империи во всех смыслах ([Котюкова, 2015: 47](#)). Противоречивые по своим последствиям итоги начавшейся модернизации в центральноазиатских окраинах Российской империи со всей очевидностью отразились в ходе событий восстания 1916 г.

Ярким свидетельством данного тезиса является собственно повод восстания 1916 г., а именно мобилизация коренных этносов региона на тыловые работы в действующую армию. Вопрос о введении всеобщей воинской повинности для населения Степного края и Туркестана, рассматривался правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагал социально-правовую нивелировку населения данного региона со всеми подданными империи. Кроме этого, введение всеобщей воинской повинности вполне отвечало тенденциям национальной политики России, направленным на русификацию «инородцев», полное их слияние с русским народом и должно было сыграть, в целом, цивилизующую роль ([АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 5–5 об](#)).

Однако, несмотря на очевидность необходимости введения воинской повинности для автохтонного населения центральноазиатских окраин, имперские правящие круги проявляли в данном вопросе определенную сдержанность вплоть до 1915 г. ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–16 об](#)) Главным основанием для этого решения, по их мнению, выступала «гражданская незрелость» населения Степного края и Туркестана, а также опасения чиновников, связывающих идею формирования национальных мусульманских воинских подразделений с неизбежным ростом угрозы территориальной целостности империи ([Восстание 1916 г., 1960: 86](#)).

Освобождение от несения воинской повинности центральноазиатских народов привело к оформлению их особого юридического статуса в имперской этносоциальной структуре, закрепленного на ментальном уровне. Именно сохранение «особых прав» как неотчуждаемого достояния и главного признака должно было, по убеждению аборигенов, оградить их от все возраставшего притока переселенцев, серьезно ущемлявшего их жизненно важные интересы в вопросах землепользования. Специфичность податного состояния определялась освобождением «аборигенов» от отбывания рекрутской повинности, а после военной реформы 1874 г. – от службы в рядах Российской армии по призыву. Утрата данной привилегии рассматривалась ими, безусловно,

как наступление на их права. Именно в данном ключе и необходимо рассматривать, по нашему мнению, реакцию туземного населения на указ о мобилизации на тыловые работы.

Дискуссионным в современной историографии остается вопрос о роли национальной интеллигенции в движении 1916 г. Последняя, безусловно, являлась продуктом модернизационных процессов и была интегрирована в социально-политическое, управленческое пространство империи. Интеллигенция связывала будущее своих народов с Россией и признавала за ней историческую роль в процессе их европеизации и модернизации. Лидер казахской интеллигенции и движения Алаш А. Букейханов еще в 1903 г. отмечал, что царское правительство ставит перед собой задачу «смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» и подчеркивал, что царизм способствует развитию среди казахов культуры и просвещения, что в своей колониальной политике исходит из «интересов самих казахов», стремится «удешевить хлеб» и «обеспечить существование кочевников» ([Национально-освободительное восстание, 1937: 9](#)).

Этим отчасти объясняется тот факт, что казахская интеллигенция, в большей степени подвергшаяся модернизации, с воодушевлением приняла указ о мобилизации инородцев на тыловые работы. Печатный орган казахской либерально-демократической интеллигенции газета «Казах» в марте 1916 г. писала: «надо понять значение призыва и сейчас же взять в руки его подготовку... нужно выбрать такой путь, что бы наши поколения могли бы сказать, что их предки выбрали для них такой путь, идя по которому они стали славной армией нашего царя». Несколькими днями позже в газете появилась еще одна статья, автор которой указывал: «Приказ царя – истина, ему возражений быть не может. ...Приказы мы не можем не выполнять. ...Аксакалы и передовые граждане должны об этом толковать, разъяснять. ...Надо скорее выполнить приказание, послать людей на работы!» ([Национально-освободительное восстание, 1937: 12](#)).

Практическая деятельность казахской интеллигенции по реализации указа о мобилизации на тыловые работы была связана с разработкой плана мобилизации, проведением разъяснительно-пропагандистской работы среди населения «для объяснения им цели призыва киргиз и убеждения их в необходимости подчиниться Высочайшему повелению». По инициативе редактора газеты «Казах» А. Байтурсынова совместно с губернатором Тургайской области М.М. Эверсманом был разработан план мероприятий по проведению мобилизации. Еще один лидер алаш-ордынского движения М. Тынышпаев с генерал-губернатором Туркестанского края А.Н. Куропаткиным в качестве переводчика посещал населенные пункты, в которых проживали казахи, и разъяснял суть происходящих событий.

Противоречивость модернизации центральноазиатских окраин привела к серьезным внутриэтническим конфликтам среди участников в ходе движения 1916 г. Как указывалось выше, в процесс реформирования административно-территориального управления данным регионом, была создана система местного самоуправления (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 421). Она породила мощное противоборство между различными подразделениями одного рода или клана за власть. Приведем в связи с этим фрагмент донесения помощника главного военного прокурора В.Е. Игнатова командующему войсками Туркестанского военного округа А.Н. Куропаткину в декабре 1916 г.: «Вообще мысль о том, что туземные власти – волостные правители, старшины и пятидесятники – продали население за большие деньги и что благодаря этому на население свалилась теперь вся тяжесть новой повинности, хотя бы и рабочей, было общим убеждением населения и глубоко укоренившимся взглядом в населении всего края на все эти должности, как на общий источник крупных доходов. Местные власти горячо борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на эти выборы десятки тысяч в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы» ([Восстание 1916 г., 1960: 68–69](#)).

Поэтому нападение на представителей местной администрации было повсеместным, «толпа жестоко мстила своим туземным властям за их участие в составлении списков или требовала от них выдачи этих списков, сомневаясь в их правильности или же наивно полагая, что уничтожением списков они избавятся и от самого набора». По данным Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина на 1 января 1917 г. по Туркестанскому краю повстанцами было убито из лиц русской и туземной администрации: в Ферганской области русских чиновников – 1, туземной – 34, в Сыр-Дарьинской области – 1 русский чиновник и 3 волостных управителя, в Самаркандской области – 3 русских чиновника и 12 – представителей туземной администрации, в Семиреченской – 2 русских чина и 12 – местной администрации ([Восстание 1916 г., 1960: 84](#)).

Господство традиционных политических ориентиров среди коренного населения, не смотря на предпринятые попытки модернизации, выразилось в повсеместном возврате к архаичным формам организации верховной власти во время событий 1916 г. Так, в Тургайской области ханами были провозглашены Абдугафар Джанбусинов, Ай-Жаркен Канаев, Оспан Шулаков. В одном только Иргизском уезде, по данным региональной администрации, оказалось избранными еще девять ханов ([Восстание 1916 г., 1960: 620–624](#)). Мокуш Шабданов был провозглашен ханом племени кыргызского рода сарыбагыш, Батырхан Ногаев – ханом племен богу ([Восстание 1916 г., 1960: 369](#)). У туркмен Мервского уезда во главе движения встала бывшая ханша Гюль Джамал. В Джизакском уезде Абдурахман Джевачи Адбуджабаров был избран джизакским беком, Туракул Турадбеков – провозглашен Санзарским беком ([Восстание 1916 г., 1960: 90](#)).

В уездах и волостях Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, где исторически в системе социальных отношений господствующую роль играл ислам, национально-освободительное движение 1916 г. приняло религиозную окраску. Яркий примером может выступить восстание в г. Джизак и Джизакском уезде Самаркандской области, где во главе движения стал ишан Назыр-Ходжа Абдусаламов. Целью движения провозглашалось отделение от Российской империи и создание мусульманского государства; русскому населению региона был объявлен газават; повстанцы совершали свои нападения под белым знаменем с религиозными надписями. В городах Коканде и Андижане беспорядки, начавшиеся 9 июля 1916 г., проходили при активном участии «фанатично настроенной молодежи – учеников медресе». Они выступали главной движущей силой восстания в этих городах ([Восстание 1916 г., 1960: 70–71](#)).

5. Заключение

Таким образом, восстание народов Степного края и Туркестана в 1916 г. необходимо рассматривать через призму модернизационных процессов, которые происходили в регионе на протяжении второй половины XIX – начала XX в. По сути, они означали искусственное привнесение извне институтов и ценностей европейской политической культуры и социально-экономической модели, но не могли в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. В переходный период определенная часть традиционного общества Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизационных тенденций, интегрировалась в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. На историческую арену вышли новые социальные страты центральноазиатского общества: национальная буржуазия, рабочие кадры, чиновничество и интеллигенция. Однако большая часть традиционных социальных групп региона воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений.

Противоречивость социальных процессов переходного периода в полной мере проявилась в ходе восстания 1916 г. С одной стороны наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс, массовость и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в неоднозначной позиции интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм, возрождении «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи.

6. Благодарности

Авторы выражают благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, оказанную при выполнении статьи. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Литература

- [Бахтурина, 2004](#) – Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., 2004. 388 с.
- [Бедельбаев, 2016](#) – Бедельбаев А.Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2016. Том 16. № 1. С. 201–205.
- [Восстание 1916 г.](#) – Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. 793 с.
- [Восстание 1916 г. в Туркестане](#) – Восстание 1916 года в Туркестане. Документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов / Под ред. Т.В. Котюковой. М., 2016. 458 с.
- [Всероссийская перепись населения, 1904–1905](#) – Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84–87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88–89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92–95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116–119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62–63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88–109.
- [История Казахстана, 2000](#) – История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 3. Алматы, 2000. 766 с.
- [Какеев, 2015](#) – Какеев А.Ч. Восстание 1916 г: к проблеме историографии и источниковедения // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2015. Том 15. № 5. С. 200–206.
- [Ковалышкина, 2005](#) – Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
- [Котюкова, 2010](#) – Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 97–112.
- [Котюкова, 2011](#) – Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 8. С. 98–126.

- Котюкова, 2015** – Котюкова Т.В. Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Ислам в современном мире*. 2015. Т. 11. № 1. С. 43–54.
- Лейзерович, 2001** – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.
- Лысенко и др., 2014** – Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- Лысенко, 2016** – Лысенко Ю.А. Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революций 1917 г. // *Известия АлтГУ*. 2016. № 2(90). С. 101–108.
- Интернет-проект «События в Семиречье 1916 года...»** – Интернет-проект «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов» / Федеральное архивное агентство РФ. 2016. [Электронный ресурс. <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie>] (дата обращения 23.11.2016)
- Национально-освободительное восстание, 1937** – Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. // Под ред. Н. Тимофеева / Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937. 314 с.
- Нурула-Ходжаева, 2015** – Нурула-Ходжаева Н.Т. Джадиды Бухары и их западный национализм // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015. Т. 11. № 1. С. 33–42.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2001** – Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // *Сибирская заимка*. 01.10.2001. Электронный журнал [Электронный ресурс. <http://zaimka.ru/remnev-imperium/>] (дата обращения 23.11.2016)
- Рыскулов, 1924** – Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // *Новый восток*. 1924. № 6. С. 270–274.
- Рыскулов, 1926** – Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1926. С. 46–122.
- Сапаргалиев, 1966** – Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алматы, 1966. 376 с.
- Сулейменов, Басин, 1977** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. 164 с.
- Турсунов, 1962** – Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.
- Усенбаев, 1967** – Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе, 1967. 327 с.
- Шерстова, 2005** – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 311 с.
- Charles, 1957** – Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London, 1957. 189 p.
- Kirmse, 2013** – Kirmse Stefan B. Law and Interethnic Relations in the Russian Empire: The Tatar Riots of 1878 and Their Judicial Aftermath // *Ab Imperio*. 2013. № 4. pp. 49–77.
- Lysenko et al., 2015** – Lysenko Yuliya A., Inna V. Anisimova, Irina B. Bochkareva and others. Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.
- Shaidurov, 2014** – Shaidurov V. Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century // *Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)*. Albena. 2014. pp. 527–534.
- Sokol, 1954** – Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor. 1954. 216 p.

References

- Bahturina, 2004** – Bahturina A.Yu. (2004). Okrainyi rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v godyi Pervoy mirovoy voynyi (1914–1918 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: administration of the state and national politics during the First world war (1914–1918)]. М. 388 p. [In Russian]
- Bedelbaev, 2016** – Bedelbaev A.B. (2016). Vosstanie 1916 goda v Kyrgyzstane skvoz prizmu periodicheskoy pechati 1991 g. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan through the prism of periodicals 1991]. Beldebaev. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, Vol. 16, Nr. 1, pp. 201–205. [In Russian]
- Vosstanie 1916 g.** – Vosstanie 1916 g. v Sredney Azii i Kazahstane. Sbornik dokumentov. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. A documents collection]. М., 1960, 793 p. [In Russian]
- Vosstanie 1916 g.** – Vosstanie 1916 g. v Turkestane. Dokumentalnye svidetelstva obschey tragedii: Sbornik dokumentov i materialov. [The 1916 rebellion in Turkestan. Documentary evidence of a common tragedy: a Collection of Documents and Materials / Ed. by T. V. Kotyukova]. М., 2016, 458 p. [In Russian]
- Vserossiyskaya perepis naseleniya, 1904–1905** – Vserossiyskaya perepis naseleniya. [All-Russia population census]. Vol. 81. Akmolinskaya oblast. SPb., 1904, pp. 84–87; Vol. 84. Semipalatinskaya oblast.

SPb., 1905, pp. 88–89; Vol. 85. Semirechenskaya oblast. SPb., 1905, pp. 92–95; Vol. 86. Syir-Darinskaya oblast. SPb., 1905, pp. 116–119. Vol. 87. Turgayskaya oblast. SPb., 1904, pp. 62–63; Vol. 88. Uralskaya oblast. Spb., 1905, pp. 88–109. [In Russian]

Istoriya Kazahstana, 2000 – Istoriya Kazahstana s drevneyshih vremen do nashih dney v pyati tomah. [History of Kazakhstan from ancient times until nowadays]. Almaty, 2000, Vol. 3, 766 p. [In Russian]

Kakeev, 2015. – *Kakeev A.C.* (2015). Vosstanie 1916 g.: k problem istoriografii i istochnikovedeniya. [The Revolt of 1916: the problem of historiography and source studies]. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, Vol. 15, Nr. 5, pp. 200–206. [In Russian]

Kovalyashkina, 2005 – *Kovalyashkina E.P.* (2005). «Inorodcheskiy vopros» v Sibiri: Kontseptsii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya myisl. [“The indigenous question” in Siberia: the concept of state policy and national idea]. Tomsk, 326 p. [In Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «Musulmanskii vopros» v Turkeстане v nachale XX v. [The “Muslim question” in Turkestan at the beginning of the XX century]. *Questions of history*, Nr. 9, pp. 97–112. [In Russian]

Kotyukova, 2011 – *Kotyukova T.V.* (2011). Vosstanie 1916 g. v Turkeстане: oshibka vlasti ili istoricheskaiya zakonomernost? [The 1916 Revolt in Turkestan: the fault of the authorities or historical regularity?]. *Observer*, Nr. 8, pp. 98–126. [In Russian]

Kotyukova, 2015 – *Kotyukova T.V.* (2015). Turkestan v diskurse frontirnoy modernizatsii Rossiyskoy imperii v konets XIX – nachale XX v. [Turkestan in the discourse frontiers modernization of the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. *Islam in the modern world*. Vol. 11, Nr. 1, pp. 43–54. [In Russian]

Leyzerovich, 2001 – *Leyzerovich E.E.* (2001). Sotsialnyie i ekonomicheskie itogi Rossiyskoy kolonizatsii Turkeстана. [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tell-Aviv, 269 p. [In Russian]

Lyisenko i dr., 2014 – *Lyisenko Yu.A. i dr.* (2014). Traditsionnoe kazahskoe obschestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyie podhodyi i mehanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [In Russian]

Lyisenko, 2016 – *Lyisenko Yu.A.* (2016). Sotsialno-politicheskoe dvizhenie v tsentralnoaziatskikh okrain Rossiyskoy imperii nakanune revolyutsiy 1917 g. [Socio-political movement in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire on the eve of the 1917 revolutions]. *News of Altai State University*, Vol. 2(90), pp. 101–108. [In Russian]

Internet project “Sobyitiya v Semirechye 1916 goda...” – Internet project “Sobyitiya v Semirechye 1916 goda po dokumentam russkikh arhivov. [The Internet project “Events in Semirechye of 1916 on the documents from Russian archives”] / The Federal Archival Agency of the Russian Federation. 2016. [Electronic resource] URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie> (date of access 23.11.2016)

Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie, 1937 – Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie kazahskikh trudyaschihsya protiv tsarizma v 1916 g. [National liberation uprising of the Kazakh workers against the tsarist regime in 1916] // A collection of documents and materials. Alma-Ata, 1937, 314 p. [In Russian]

Nurula-Khodzhaeva, 2015 – *Nurula-Khodzhaeva N.T.* (2015). Jadidyi Bukharyi i ih nezapadnyiy natsyionalizm. [Jadids of Bukhara and their non-Western nationalism]. *Islam in the contemporary world: domestic and international political aspects*, Vol.11, Nr. 1, pp. 33–42. [In Russian]

RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskii arhiv. [The Russian state military historical archive].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskii arhiv. [The Russian state historical archive].

Remnev, 2008 – *Remnev A.V.* (2008). Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov: nekotoryie itogi i perspektivy izucheniya. [Imperial governance of Asian regions of Russia in the XIX – early XX centuries: some results and prospects of studying] // Siberian Zaimka. 01.10.2001. Electronic magazine. [Electronic resource] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (date of access 23.11.2016). [In Russian]

Ryiskulov, 1924 – *Ryiskulov T.* (1924). Iz istorii borby za osvobozhdenie Vostoka. [From the history of the struggle for the liberation of the East]. The new East, pp. 270–274. [In Russian]

Ryiskulov, 1926 – *Ryiskulov T.* (1926). Vosstanie tuzemtsev Sredney Azii v 1916 godu. [The uprising of the natives of Central Asia in 1916]. Kyzyyl-Orda, pp. 46–122. [In Russian]

Sapargaliev, 1966 – *Sapargaliev G.S.* (1966). Karatelnaya politika tsarizma v Kazahstane (1905–1917 gg.). [The punitive policy of tsarism in Kazakhstan (1905–1917 gg.)]. Alma-Ata, 376 p. [In Russian]

Suleymenov, Basin, 1977 – *Suleymenov B.S., Basin V.Ya.* (1977). Vosstanie 1916 g. v Kazahstane. [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata, 164 p. [In Russian]

Tursunov, 1962 – *Tursunov H.* (1962). Vosstanie 1916 g v Sredney Azii i Kazahstane. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 428 p. [In Russian]

Usenbaev, 1967 – *Usenbaev K.* (1967). Vosstaniya 1916 g. v Kirgizii. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan]. Frunze, 327 p. [In Russian]

Sherstova, 2005 – *Sherstova L.I.* (2005). Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokulturnaya dinamika XVII – nachala XX veka. [The Turks and Russians in southern Siberia:

ethno-political processes and cultural dynamics of XVII – beginning of XX century]. Novosibirsk, 311 p. [In Russian]

Charles, 1957 – Charles W. Hostler. (1957). Turkism and the Sarts. London. 189 p.

Kirmse, 2013 – Kirmse Stefan B. (2013). Law and Interethnic Relations in the Russian Empire: The Tatar Riots of 1878 and Their Judicial Aftermath. *Ab Imperio*, Nr. 4, pp. 49–77.

Lysenko et al., 2015 – Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B. and others. (2015). Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th). *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4, pp. 955–964.

Shaidurov, 2014 – Shaidurov V. (2014). Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century. *Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)*. Albena, pp. 527–534.

Sokol, 1954 – Sokol Edward Denis. (1954). The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor, 216 p.

УДК 93/94

Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах России

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}, Евгения Валентиновна Демчик ^a,
Инна Владимировна Анисимова ^a, Ирина Борисовна Бочкарева ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье в рамках теории модернизации представлен анализ этносоциальных процессов в период восстания народов Степного края и Туркестана 1916 г. По своему содержанию модернизация данного этнорегиона Российской империи означала привнесение из вне институтов и ценностей европейской культуры, однако непродолжительное по времени воздействие модернизационных тенденций на традиционное общество (вторая половина XIX – начало XX в.) не могло дать высокий положительный эффект в ближайшей исторической перспективе. Поэтому определенная часть населения Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизации, интегрировалась в имперское политическое и экономическое пространство. Однако большая часть традиционного общества воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление культурной идентичности, трансформацию традиционных родовых, клановых социальных связей и отношений.

Анализ результатов воздействия модернизации на традиционное общество центральноазиатских окраин России позволил авторам статьи утверждать, что противоречивость социальных процессов переходного периода в полной мере проявилась в ходе восстания 1916 г. С одной стороны наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в неоднозначной позиции интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев на тыловые работы, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм, возрождении «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, народное восстание, модернизация, этнос, самосознание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), demtchikev@mail.ru (Е.В. Демчик), ivao410@mail.ru (И.В. Анисимова), portnygina@yandex.ru (И.Б. Бочкарева)